

Глава 8

МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX – НАЧАЛА XXI в.

Историческая макросоциология – междисциплинарная область исследований, в которой посредством объективных методов социальных наук изучаются механизмы и закономерности крупных и долговременных исторических процессов и явлений, таких как происхождение, динамика, трансформации, взаимодействие, гибель обществ, государств, мировых систем и цивилизаций.

По объему предметного поля историческая макросоциология (далее – макросоциология) практически совпадает со всеобщей (мировой) историей, но использует в большей мере подходы и методические средства *теоретической истории* как построения и проверки относительно строгих объяснительных теорий исторических явлений (Розов 2001).

Макросоциология отвечает на традиционные для философии истории вопросы о структуре, направленности, закономерностях, ходе истории, но не на философском, а на научно-теоретическом уровне. Познавательные методы и средства макросоциология заимствует из обширного спектра социальных наук: социологии, политологии (особенно сравнительной), геополитики, кросс-культурных исследований, экономической истории, этнологии, исторической демографии и т. д.

В начале своего становления социология не была жестко отделена от истории. Огюст Конт, Алексис де Токвиль, Карл Маркс, Джон Стюарт Милль, Фердинанд Тённис, Герберт Спенсер, Эмиль Дюркгейм, Вильгельм Зомбарт, Гаэтано Моска, Макс Вебер, Франц Оппенгеймер, Георг Зиммель, Роберт Михельс, Вильфредо Парето и др. – все они обсуждали проблемы исторического развития, социальной эволюции, взаимодействия между крупными социальными группами, динамики власти и государства (о многих из перечисленных ученых рассказано в предшествующих главах 2–5, см. также главы 9–13 настоящего издания). На этом этапе формулировались законы и определялись этапы исторического прогресса, смены общественных формаций, описывались и изучались принципиальные типы больших социальных групп, обществ, культур и цивилизаций – все это самая типичная *макросоциологическая* проблематика.

С 1920–1930-х гг. социология, особенно американская, стала более узкой, эмпиричной, методичной, сконцентрировалась на эмпирическом изучении групп и слоев отдельного общества-нации, во многом потеряла интерес к большим историческим процессам. При этом довольно много талантливых ученых (Baran 1957; Moore 1966; Шумпетер 1995; Сорокин 2000; Элиас 2001; Поланьи 2002; Уайт 2004a) продолжали макросоциологические исследования, как правило, не оцененные современниками, но получившие большой резонанс именно в последней трети XX в., когда начался новый мощный подъем этой научной традиции.

Становление и основные направления современной макросоциологии

Новый взлет западной (прежде всего американской) макросоциологии имел несколько важных предпосылок. В начале 1960-х гг. появляется книга Уильяма Мак-Нила¹ «Восхождение Запада. История человеческого сообщества» (Мак-Нил 2004; см. также главу 5 настоящего издания). Мак-Нил воспринял от своего учителя А. Тойнби масштабный взгляд на всеобщую историю, интерес к внутренним механизмам динамики, но освободился от аллегоричности, апелляций к мифам, идей замкнутости цивилизаций, что было характерно для трудов Тойнби. Основной упор Мак-Нил делает на роль межкультурных столкновений, как мирных, так и воинственных, на динамику исторического развития обществ и цивилизаций. Одновременно во Франции переживает очередной расцвет школа «Анналов», это дало плоды в блестящих фундаментальных работах Фернана Броделя (см. главу 14 настоящего издания).

С 1970-х гг. на Западе начинается подъем направления *мировой истории*, которое, с одной стороны, противостояло в университетах традиционным сугубо европоцентричным курсам «Истории Западной цивилизации», с другой стороны, было крайне заинтересовано в масштабных объяснениях – макросоциологических концепциях и моделях – огромного и разнородного материала по истории незападных обществ, который стали профессионально изучать специалисты этого быстро расширяющегося направления (о европеоцентризме см. также главы 5 и 6 настоящего издания).

¹ В русских изданиях фамилию McNeill транскрибируют по-разному: МакНил, Мак-Нил, Макнил, Макнейлл и т. д.

Одновременно набирает силу дискредитация больших теорий мейнстрима в американской социологии: абстрактной структурно-функциональной концепции Т. Парсонса и теории модернизации (см. главу 6). Отгалкиваясь от схоластики и апологетики капитализма, новое поколение исследователей обратилось к эмпирике, в том числе к богатству исторического материала европейских, азиатских, южноамериканских, африканских обществ. Так появляется веберовская ветвь *исторической социологии* (Р. Бендикс, Ч. Тилли, Р. Коллинз, Т. Скочпол, М. Манн) и марксистская ветвь *миросистемного анализа* (А. Г. Франк, И. Валлерстайн, Дж. Хопкинс, Дж. Арриги; см. предыдущую главу настоящего издания).

Начинается «золотой век макроисторической социологии» (Коллинз 1998б) Наиболее теоретически продвинутыми направлениями, согласно Р. Коллинзу, являются:

- исследования военно-центрированного становления современных государств (Mann 1987; 1993; Мак-Нил 2008; Тилли 2009);
- сравнительное изучение социальных революций и государственных распадов, крушения империй (Skocpol 1979; Tainter 1988; Goldstone 1991; Турчин 2007);
- анализ мировых систем (Бродель 1992; Валлерстайн 2001, 2006; Арриги 2006; см. главу 7 настоящего издания);
- исследования геополитической динамики, долгих циклов гегемонии (Goldstein 1988; Collins 1986; 1999; Коллинз 2001; Модельски 2003).

Р. Коллинз также указывает на направления, пусть не столь развитые, но значительно расширяющие предметное поле макросоциологии:

- сравнительно-исторические исследования семейных отношений, социальная и сравнительная история пола, сексуальности, материальной культуры (школы П. Ласлетта, Дж. Гуди; см. главу 15 настоящего издания);
- изучение эволюции культурных норм, «цивилизующих манер» (Н. Элиас, Дж. Меннел, Й. Гудсблом);
- макроистория болезней и окружающей среды (У. Мак-Нил, А. Кросби; см. также главу 9 настоящего издания);
- макросоциологические сравнения в истории искусства (А. Хаузер, А. Мальро).

К списку Коллинза следует добавить:

- направление исследования Большой истории, объединяющее в единых концептах эволюцию звезд, Солнечной системы, историю Земли, биологическую эволюцию, происхождение человека и традиционную историю (Спир 1991; Spier 1996; Кристиан 2001);
- бурно развивающуюся область изучения социальной эволюции, сравнительной антропологии и этнологии, тесно взаимодействующую со сравнительной археологией, где нередки прорывы к ценным макросоциологическим обобщениям (Классен 2005; Карнейро 2006; Даймонд 2009; см. главу 4 настоящего издания);
- продолжающиеся сравнительные исследования цивилизаций (Ито 2001; Мелко 2001; Уилкинсон 2001, см. главу 5 настоящего издания);
- масштабные сравнительные исследования технологического обмена и диффузии в связи с международной политикой (Bulliet 1975; Headrick 1981; 1991; Pacey 1990; см. главы 11–12 настоящего издания);
- сравнительные и обобщающие работы по межкультурной торговле, появлению и искоренению рабства и работорговли, колониальным отношениям, о последствиях вестернизации и индустриализации в разных уголках планеты (Wolf 1982; Stinchcombe 1995);
- сравнительные исследования демократических транзитов с успехами и неудачами, откатами к авторитаризму, застреванием в режиме имитационной демократии и т. п. (Карл, Шмиттер 1993; Растоу 1996; Collins 1999; Пшеворский 2000).

В западном высшем образовании, прежде всего американском, макросоциология с начала 1990-х гг. стала институализироваться как отрасль социологии. Учебник С. Сандерсона «Макросоциология» (Sanderson 1995) уже выдержал множество изданий, появляются новые учебные пособия, но в основном обучение опирается на современные монографические исследования.

В современной макросоциологии, быстро набирающей обороты, число значимых моделей и концепций исчисляется уже многими десятками. Рассмотрим наиболее оригинальные и яркие концепции, направленные на объяснение становления национальных государств и международной системы, а также анализ внутренних и внешних факторов государственных кризисов и распадов.

Чарльз Тилли: становление современных государств и протестные движения

В книге Ч. Тилли (2009) дается одна из наиболее четких версий так называемой военно-центричной теории происхождения современных национальных государств (nation-states) в Европе. Согласно автору, на рубеже позднего Средневековья и раннего Нового времени произошли важные изменения. Постоянные войны не вели к обширным и стабильным завоеваниям, но обуславливали бурный прогресс в военном деле, причем главными сдвигами были развитие и распространение огнестрельного оружия, переход к массовым армиям, часто наемным. Быстро теряли эффективность прежние формы феодальной мобилизации, основанные на клиентарно-патронажных связях. Войны выигрывались крупными регулярными армиями с централизованным обеспечением амуницией (см. также главу 11 настоящего издания).

Все эти новации делали войны все более и более дорогими. Воюющие государи все больше нуждались в деньгах. В результате только государства с достаточным количеством капитала и большим населением могли обеспечивать свой суверенитет и безопасность, выжить в этой агрессивной среде. В то же время в Европе развивались торговые города, росло ремесленное производство, появлялись мануфактуры. Городские элиты обладали капиталом и были крайне заинтересованы в безопасности, поэтому стремились к покровительству тех, кто мог их защитить. Кроме того, вкладывая капиталы в военные кампании, они получали значимые привилегии, а также перспективы расширения рынков, получения доступа к новым ресурсам. Именно альянс воюющих государей и производящих, торгующих городских элит лежал в основе появления нового типа государственности.

Тилли показывает, что основные институты современного государства (прежде всего система налогообложения) были созданы для того, чтобы вести войну. Благодаря концентрации финансовых ресурсов на национальном уровне во многом за счет военных поставок рос первоначальный рынок капиталистических предприятий. Тилли также указывает на воздействие налоговой системы на аграрную экономику, в частности во Франции. Повышение налогов увеличивало потребность крестьян в деньгах, что вынуждало их продавать на рынке все большую часть своего продукта. Когда крестьяне не могли найти достаточно денег, они постепенно теряли

свою землю, которая по сниженной цене переходила к буржуазии. Так, непреднамеренно лишая крестьянство собственности, государство осуществляло освобождение земель для капитала и сопутствующий рост рынка труда (Тилли 2009).

Другими важными темами исследований Ч. Тилли были явления мобилизации и социальных движений, формирования протестных групп, готовых к насилию, революций, иными словами, тех общественных сил и факторов, которые обуславливают или усугубляют кризис государства, могут привести к его распаду. Тилли выступает против традиционных убеждений в «ненормальности», «атипичности» радикальных протестных движений, показывая, как динамика социального протеста связана с политическими, социальными и экономическими условиями. Обычно эти явления возникают из первоначально отнюдь не насильственных политических раздоров.

На богатом историческом материале Тилли показал, что такая форма протеста как социальное движение появилось на Западе после 1750 г. и распространилась по всему миру через торговлю, миграции, колониализм. Согласно Тилли, социальные движения сочетают: 1) упорные организованные усилия по выдвижению коллективных претензий (кампании); 2) комбинации разных форм политического действия (собрания, митинги, торжественные процессии и демонстрации, пикеты, ходатайства, памфлеты и заявления в средствах массовой информации и т. д.; 3) публичные свидетельства таких свойств своего движения, как достоинство (*worthiness*), единство (*unity*), многочисленность (*numbers*), приверженность идеям и обязательствам (*commitment*), что Тилли обозначает в целом как WUNC (Tilly 2004: 53).

Майкл Манн: типы государственной власти и природа массового насилия

Наряду с веберовским различием источников и сфер власти на политическую, экономическую, военную и идеологическую (см. выше) Манн выделяет две формы государственной власти: *дееспотическую* и *инфраструктурную*. Первая выражает способность правящей элиты принимать решения, не считаясь с интересами остальных групп населения. Вторая связана с возможностями государства контролировать собственную территорию через общество и обеспечивать осуществление принятых решений. На этих основаниях Манн разрабатывает систему идеальных типов (табл. 1).

Таблица 1. Типология государственной власти по М. Манну (Mann 1984: 115)

		Инфраструктурная координация	
		низкая	высокая
Деспотическая власть	низкая	Феодальная	Бюрократическая
	высокая	Имперская	Авторитарная

Манн отмечает общий эволюционный тренд роста инфраструктурной власти государств. При этом никаких монотонных тенденций в развитии деспотической власти не наблюдается, здесь масштаб, уровень могущества, жестокость деспотизма имеют скорее волнообразный паттерн. Рост инфраструктурной власти Манн связывает с четырьмя основными факторами:

1) поступательные процессы разделения труда, дифференциация функций, что формировало относительно однородные социальные группы, доступные для контроля со стороны государства;

2) рост грамотности, что позволило кодифицировать правила и требования;

3) развитие денежной системы, а также системы мер и весов, что позволило вести обмен, торговлю, сборы и распределение ресурсов по единым правилам, подкрепленным силой государства;

4) рост скорости связи и транспортировки, облегчивший доступ к территориям, контроль и т. п. (Mann 1984: 117).

Манн отмечает также диалектическую связь между разнородными компонентами государственной власти, формулируя следующие тезисы: 1) инфраструктурная власть государства происходит от общественной полезности форм территориальной централизации, которую само население (гражданское общество) не может обеспечить; 2) расширение деспотической власти связано с неспособностью общества контролировать формы территориальной централизации, когда они уже появились (*Ibid.*: 126). Именно поэтому деспотизм демонстрирует в истории волнообразный (циклический) паттерн – рост территориальной централизации и утерю контроля над ней.

Эти общие подходы и принципы М. Манн применил в разных работах. Наиболее полно они воплощены в его фундаментальном двухтомнике «Источники социальной власти» (*Idem* 1987; 1993), где были исследованы общие эволюционные закономерности развития государств, начиная от архаики (Месопотамия, Древний Египет) и до современных обществ, сходства и различия, динамические паттерны

нацистского и советского режимов (Манн 2000), противоречивые эффекты и перспективы глобализации (Манн 1997).

Теория социальных революций Теды Скочпол

Одним из наиболее признанных достижений макросоциологии является исследование социальных революций Тедой Скочпол. Ее книга *Государства и социальные революции* (Skocpol 1979) не только вызвала большой резонанс в научном мире, внимание в политических кругах (к примеру, именно к Скочпол как к главному аналитику обратились для осмысления причин Иранской революции), но и инициировала десятки серьезных исследований революций и революционных движений самого разного рода в странах Европы, Азии, Африки, Южной Америки.

Согласно Скочпол, социальные революции суть быстрые базовые превращения государственных и классовых структур общества; причем они сопровождаются и частично производятся через классовые восстания снизу (*Ibid.*: 4).

Скочпол четко отличает социальные революции от просто мятежей и восстаний (нет структурных изменений государства), от политических революций (нет превращений социальных структур) и от индустриализации (нет быстрых политико-структурных изменений). Далее Скочпол ставит в общем виде проблему объяснения социальных революций и сразу приступает к критике имеющихся теорий и концепций. Ею выделены следующие типы теорий: марксистские теории (К. Маркс, В. Ленин, Н. Бухарин, Л. Троцкий, Мао Цзэдун, Г. Лукач, А. Грамши, Л. Альтюссер); агрегатно-психологические теории (Дж. Гешвендер, Г. Экштайн, Д. Шварц, Дж. Дэвис, Т. Гурр); теории консенсуса систем ценностей (Т. Парсонс, Ф. Уоллэйс, Н. Смелзер, Э. Тирякян, Ч. Джонсон); теории политического конфликта (А. Обершелл, В. Оверхолт, Д. Рассел, Ч. Тилли).

В процессе критики Скочпол формулирует принципы собственной исследовательской программы. *Принцип «структурной перспективы»* означает, что причины социальных революций лежат не в целенаправленной деятельности, интересах, эмоциях, идеях, иных психологических и идеологических явлениях, а в структурных изменениях социальной системы общества. *Принцип «международного и всемирно-исторического контекста»* означает, что при анализе социальных революций необходимо учитывать

международное, прежде всего военно-политическое, положение страны. *Принцип «потенциальной автономии государства»* означает, что государство является не только и не столько «инструментом господствующего класса собственников средств производства» (марксизм) или «функцией» ценностного согласия-несогласия в обществе, или «ареной» политических конфликтов, массовых психологических процессов (остальные три парадигмы революций), но самостоятельной силой с собственными организационными и силовыми структурами, а также с собственными интересами, не сводимыми к интересам каких-либо иных групп или общества в целом. Государство противостоит не только остальной части общества, но и другим государствам на международной арене (см. предыдущий принцип).

Скочпол начинает с детального обоснования выбора сравниваемых случаев: Французской революции 1789–1794 гг., Русской революции 1917 г. и Китайской революции 1911–1949 гг. Главными чертами сходства являются аграрный характер так называемых Старых Режимов, их традиционность и автохтонность (в том смысле, что государственность во всех трех случаях не была недавним колониальным привнесением), «позитивность» случаев, то есть успешность всех трех революций (не возврат к Старому, а установление некоего Нового Режима), столкновение Старых Режимов с экономически более развитыми военными соперниками. Во всех трех случаях результатом революций стали централизованные, бюрократические национальные государства с вовлечением масс и ростом потенциала великой державы на международной арене. Препятствия этих изменений ассоциировались с дореволюционными позициями высшего класса землевладельцев, который был либо полностью устранен, либо существенно потеснен.

В соответствии с индуктивным *методом сходства* (см. главу 20 настоящего издания) Скочпол представляет единый принципиальный механизм кризиса «верхов» в Старых Режимах Франции, Китая и России.

Раскол между государством и крупными собственниками – другой классовый конфликт. В Старых Режимах главными силами «верхов» были центральная имперская администрация и крупные землевладельцы. И во Франции конца XVIII в., и в Китае, и в России начала XX в. достаточно сильно были развиты промышленность и торговля, но они имели локальный и регионально-

международный, отнюдь не общенациональный, характер. Скочпол утверждает, что эти секторы находились в симбиотической связи с доминирующим крупным землевладением как главным держателем ресурсов. Главная драма разворачивалась между имперским государством и крупными землевладельцами, которые были, с одной стороны, партнерами в эксплуатации крестьянства, с другой стороны, соперниками в дележе, то есть в определении характера изъятия, величины и направления ресурсных потоков (податей, налогов, материальных продуктов, людской силы).

Для раскрытия существа этой драмы Скочпол выделяет важные специфические черты имперского государства. Во всех трех случаях оно было протобюрократическим. Только верхние этажи были построены по функциональному принципу и были более или менее обеспечены системой бюрократических правил, распределением позиций и полномочий. По сути дела, с точки зрения «управляемости» имперское государство было гораздо слабее национального государства, в котором бюрократические структуры распространялись практически на всю толщу общества (ср. с представленной выше типологией Манна).

Ни одно из этих государств ко времени революций не было парламентским. В то же время они не были и чисто бюрократическими. Важная черта отношений между имперским государством и классом крупных землевладельцев во всех трех случаях состояла в наличии привилегированного доступа членов этого класса к государственным постам разных уровней, включая самые высокие.

В модели Скочпол находит свое место и геополитическое напряжение – столкновение имперского государства с сильными внешними противниками, необходимость экстраординарной по скорости и величине мобилизации ресурсов, соответствующих структурных преобразований, которые прямо сталкивались с интересами господствующего класса крупных землевладельцев, имеющих свою «пятую колонну» в самом ядре имперского государства.

Полученные результаты Скочпол сформулировала следующим образом.

1. Государственные организации допускают административный и военный распад, когда подвергаются интенсивному давлению со стороны более развитых стран.

2. Аграрные социополитические структуры, которые способствовали широким крестьянским восстаниям против землевладель-

цев, взятые вместе, были достаточными различительными причинами социально-революционных ситуаций, начавшихся во Франции в 1789 г., России в 1917 г. и Китае в 1911 г. (Skocpol 1979: 154).

Также можно перечислить ключевые факторы социальной революции по Т. Скочпол: геополитическое давление, фискальный кризис, конфликт между государственным классом и держателями ресурсов, локальная мобилизация протестных движений, слабость аппарата принуждения, экономический и продовольственный кризис.

Т. Скочпол учит не бояться отдаленных сравнений. Она неоднократно подчеркивает удивительное сходство между структурными характеристиками имперских государств Франции Бурбонов и Маньжурского Китая перед революциями 1789 и 1911 гг., несмотря на очевидные временные, цивилизационные и прочие различия. Это как раз два классических случая, когда коалиции политически влиятельных и богатых крупных земельных собственников в решающий момент подвергли обструкции мобилизационные реформы государства.

Глубина, сила и выигрышность анализа Т. Скочпол существенно возросли благодаря тому, что она дополнила рассмотрение трех позитивных случаев (успех социальной революции во Франции, Китае и России) негативными случаями отсутствия или неуспеха восстаний в Японии, Пруссии и Англии. Это важное подтверждение большого потенциала объединенного метода сходства и различия Бэкона – Милля (см. главу 20 настоящего издания).

Теория геополитической динамики Р. Коллинза

В основу своей концепции Коллинз положил классическое определение М. Вебером государства как монополии легитимной власти на применение насилия на территории, но смело и остроумно превратил каждое понятие этой формулы в переменную. Действительно, территория может быть большей или меньшей, легитимность власти над ней может быть более высокой или более низкой, каждая часть территории может иметь монополию той или иной власти либо не иметь такой монополии (быть спорной, под совместным протекторатом и т. п.).

Далее идет проблематизация отношений между переменными и проблематизация условий, определяющих изменения в этих переменных: почему растёт или сокращается территория? почему

растет или падает легитимность власти? «Политика работает извне внутрь, и именно внешние, военные отношения государств являются критическими детерминантами их внутренней политики. Это происходит из-за центрального характера легитимности как ресурса в борьбе за власть <...> Вебер предлагает тезис, что легитимность связана с властной позицией государства на международной арене» (Collins 1986: 45).

Гипотезы, касающиеся условий или факторов роста сокращения подвластных территорий, были заимствованы прежде всего из геополитических концепций. Материалом для анализа послужили исторические атласы Среднего Востока, Европы и Китая со времен Древности. В результате Коллинз сформулировал следующие положения.

Принцип I. Величина и преимущество в ресурсах способствуют территориальной экспансии; при прочих приблизительно равных условиях большие, более населенные и богатые ресурсами государства расширяются военным путем за счет меньших и более бедных государств.

Принцип II. Геопозиционное (или «окраинное») преимущество способствует территориальной экспансии; государства с врагами по меньшему числу направлений расширяются за счет государств с врагами на большем числе границ.

Принцип III. Государства в середине географического региона имеют тенденцию со временем делиться на меньшие единицы.

Принцип IV. Кумулятивные процессы приводят к долговременному упрощению с масштабными гонками вооружений и решающими войнами между немногими соперниками.

Принцип V. Чрезмерное расширение (*overextension*) приводит к ресурсному напряжению и государственному распаду.

Коллинз уточняет последний принцип с помощью двух критериев. Чрезмерное расширение определяется, во-первых, снижением уровня уязвимости (военной достижимости) отдаленных регионов, соответственно сравнительным повышением их уязвимости для геополитических соперников, повышением вероятности отделения провинций. Во-вторых, к чрезмерности расширения приводит захват этнических общностей, не прилегающих к этнической «сердцевинной земле», или «хартленду» завоевателей. Утверждается, что с каждым новым «этническим поясом» резко снижается моральный дух войск завоевателей и, напротив, растет воля к сопротивлению подчиненных народов (*Ibid.*: 191).

Данная теория позволяет делать выводы относительно военных успехов, сдвигов могущества на территориях на основе закономерностей изменения таких взаимосвязанных переменных, как относительная величина геополитических ресурсов (население и богатство), соотношение окраинности/центральности (протяженность и доля опасных границ в сравнении с безопасными), величина логистического груза контроля (рис. 1).

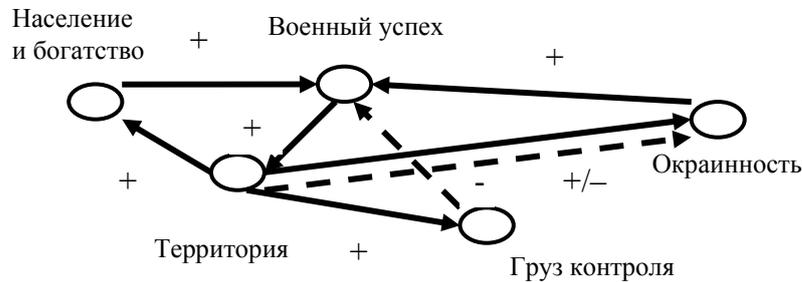

Рис. 1. Модель геополитической динамики по Р. Коллинзу (Коллинз 2000б). Между размером территории и окраинностью – сложное воздействие (двойная стрелка): если территория расширилась до некоторого географического препятствия (пустыни, неприступные горы, морское или океанское побережье, трудно форсируемая река), то окраинность повышается, если же территориальные завоевания приблизили границы вплотную к другой сильной державе, то окраинность понижается

В 1980 г. Коллинз поставил задачу оценить геополитические позиции США и СССР по критериям своей теории. Он пишет: «К моему удивлению, все пять главных принципов теории показали, что Советский Союз прошел пик своего могущества, и предсказывали, что оно будет падать. Результат был не симметричен; большинство тех же принципов предсказывали, что мощь Соединенных Штатов останется относительно стабильной» (Там же: 234). Сбывшееся в 1989–1991 гг. макросоциологическое предсказание Р. Коллинза существенно повысило престиж его теории и подхода. При этом Коллинз анализирует собственные ошибки: в частности, он считал, что СССР распадется на несколько государств, которые будут придерживаться разных версий коммунистической идеологии. Коллинз признает, что надо было перенести веберовский принцип легитимности власти-престижа в зависимости от геополитических побед и поражений на идеологию. Тогда получается, что именно внешний геополитический провал СССР в отношениях с Восточной Европой

и Западом подорвал идеологию социализма-коммунизма, а вовсе не внутренние экономические трудности. Таким же образом провал царской империи в Первой мировой войне подорвал легитимность не только бюрократии и дворянства, но и капиталистов-модернизаторов, ассоциированную с ними либеральную («буржуазную») идеологию.

Долгие циклы в геополитике: концепции Дж. Модельски и Дж. Голдстайна

В концепции Модельски (2003) речь идет об уровне «спроса на порядок» (ось Y), то есть спроса на контроль над применением насилия в международной системе, и об уровне «предложения порядка» (ось X), который обычно предоставляет держава-гегемон (сверхдержава с сателлитами или стабильные отношения между несколькими сильнейшими державами, см. рис. 2).

При низком спросе и низком предложении начинается неконтролируемое насилие (захватнические войны, переделы зон влияния, рост пиратства и т. д.). Резко растет спрос на порядок, но предложение за ним не поспевает и остается низким. Системное решение, консолидация и проверка сил нередко происходят в решающих войнах, хотя возможны и мирные сдвиги в структурах могущества, как в 1989–1991 гг. (фаза 1 – «Глобальная война»).

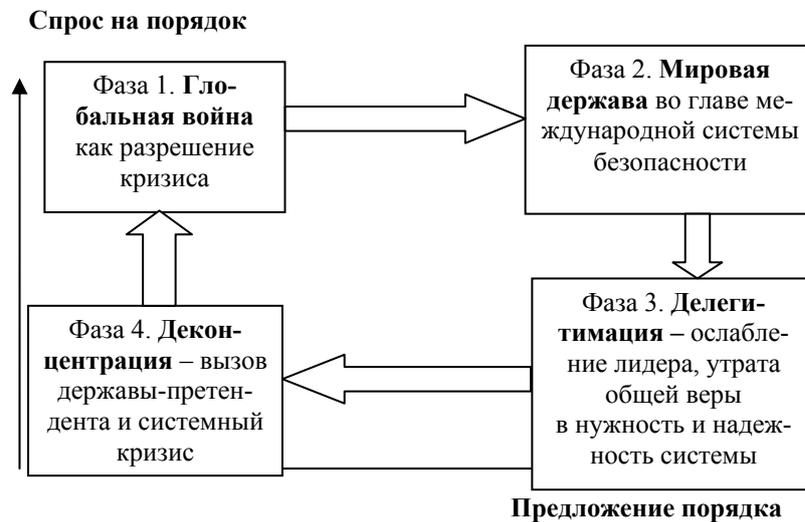

Рис. 2. Фазовая модель долгих циклов мировой политики, построенная в параметрическом пространстве «спрос на порядок/предложение порядка» (Модельски 2003)

По результатам системного решения и проверки сил происходит выделение гегемона или лидирующей связки великих держав, предложение порядка достигает максимума при сохраняющемся высоком спросе на порядок (фаза 2 – «Мировая держава»).

Политики и народы при смене поколений привыкают к порядку как само собой разумеющемуся, могущество и лидерство державы-гегемона обесцениваются, спрос на порядок резко падает при сохраняющемся высоком предложении порядка (фаза 3 – «Делегитимация»).

Наконец, при малом спросе на порядок политики, бизнес, население сокращают издержки на поддержание порядка, преимущество державы-гегемона и/или лидирующей коалиции резко падает, что возвращает систему к исходному состоянию низкого спроса на порядок при низком его предложении (фаза 4 – «Деконцентрация»).

В концепции Дж. Модельски важнейшей является фаза 1 «Глобальная война», поскольку ее результат затем закрепляется и остается на протяжении остальных фаз, пока особо сильный кризис в фазе 4 «Деконцентрация» не приведет к новому конфликту и переустройству геополитической карты.

Дж. Гольдстейн предпринял попытку скоординировать геополитические циклы с экономическими волнами Кондратьева (о них см. в главе 7 настоящего издания). Первые отражают подъем и упадок великих держав, а вторые – рост и кризисы в экономике. Как правило, после максимального роста производства наблюдается обострение конкуренции и противоречий. Наступает период масштабных войн за передел рынков и источников ресурсов. Чем больше финансовый и военный потенциал соперничающих держав, тем более кровопролитны и масштабны войны. Последние, с одной стороны, приводят к разрухе и экономическому спаду воюющих государств. С другой стороны, происходит мобилизационный подъем, «расчищается место» для новых, обычно более эффективных, укладов и технологий, что ведет к последующему экономическому росту. Важно также, что новые поколения уже забыли об ужасах войн и более податливы к агрессивной пропаганде.

В конце 1980-х гг. Гольдстейн предрекал грядущий глобальный конфликт, обусловленный быстрым экономическим развитием, которое обостряет борьбу за ресурсы и земельные пространства. Он считал, что богатые страны не согласятся снижать уровень потребления, а бедные найдут способы консолидации (Goldstein 1988).

Историческая макросоциология в России

Знаменитые историософские рассуждения П. Я. Чаадаева, славянофилов и западников, идеи А. Герцена, К. Леонтьева, Н. Данилевского, М. Бакунина и др. были попытками ответить на ключевые вопросы макросоциологии средствами имевшихся тогда мыслительных схем и подходов.

Действительно научный характер в этой обширной сфере обретают работы только первой половины XX в. Наибольший вклад в историческую макросоциологию внесли М. Ковалевский (совмещение эволюционизма и диффузионизма, сочетание детальных систематических сравнительно-исторических исследований с учетом универсальных законов и др.), евразийцы, особенно П. Савицкий (комплексный анализ пространственных, временных, антропологических, культурных характеристик России как евразийской целостности), В. Семенов-Тянь-Шанский (широкие смелые идеи о связи географических особенностей регионов со структурами территориального могущества, экономики, демографии и культуры), а также П. Сорокин².

С 1930-х гг. в СССР установилась жесткая политико-идеологическая монополия исторического материализма относительно всех общих социальных и исторических проблем. Подавляющее число работ имели комментаторский, вплоть до начетнического, характер в отношении трудов «классиков марксизма-ленинизма»; догма «пятичленки» не то что не оспаривалась, но редко вообще подвергалась сомнению (см. об этом главу 3 настоящего издания). Только в годы хрущевской оттепели стали высказываться новые оригинальные идеи. Однако эти и последующие десятилетия не были особенно продуктивными для развития макросоциологии в России.

Только с рубежа 1980–1990-х гг. стали появляться работы, авторы которых позволяли себе крупные обобщения, широкий сравнительный и теоретический анализ (В. П. Илюшечкин, Э. С. Кульпин). Особое значение имеет книга И. Дьяконова «Пути истории» (Дьяконов 1994) с явным выделением фаз социального развития, критериев их различения, механизмов и закономерностей переходов и т. д. Неслучайно именно эта книга переведена на английский язык и чуть ли не единственная среди современных отечественных исторических и обществоведческих трудов изучается в западных университетах.

² Особенно большой заслугой П. Сорокина в макросоциологии является разработка и реализация масштабной многоаспектной программы сбора и обобщения фактических данных о социальной и культурной динамике обществ в мировой истории, хотя это было сделано уже в американский период творчества (см.: Сорокин 2000).

По многим причинам макросоциология в России весьма далека от признания и институционализации, она все еще «растаскивается» между геополитикой, социальной и экономической историей, социальной философией и философией истории, политологией и политической философией. В то же время в постсоветской России сохранился и продолжает расти интерес исследователей (как правило, с философским, историческим и гуманитарным бэкграундом) к изучению крупных социально-исторических процессов. С 1990-х гг. стали появляться альманахи и журналы, ориентированные на мировой научный контекст («THESIS», «Цивилизации», «Время мира», «Логос», «Космополис», «Прогнозис», «История и математика» и др.), в которых множество материалов посвящено макросоциологической проблематике, пусть и под разными названиями. Есть отечественные работы по геоэкономике, сравнительной экономической истории, миросистемному анализу, теории модернизации. Их выгодно отличает внимание к эмпирическим данным, современным дискуссиям в мировой науке, политическому и культурному контексту экономического развития.

Появляются исследования по исторической динамике и социальной эволюции с широкими обобщениями мировых достижений, теоретическим анализом, с опорой на эмпирический материал, использованием методов математического моделирования (Розов 2002; Нефедов 2009; Гринин 2007; Коротаев, Малков, Халтурина 2007; Назаретян 2008 и др.).

В настоящее время историческая социология находится в стадии «золотого века». Каков будет вклад российской исторической науки в этот процесс, зависит в немалой степени от творческой смелости, трудолюбия, воли читателей этих строк.

Рекомендуемая литература

- Арриги Дж. 2006.** *Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени.* М.
- Бродель Ф. 1986–1992.** *Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.* Т. 1–3. М.: Прогресс.
- Время мира.** Вып. 1–2. Новосибирск, 1998, 2001.
- Розов Н. С. 2009.** *Историческая макросоциология: Методология и методы.* Новосибирск.
- Тилли Ч. 2009.** *Принуждение, капитал и европейские государства: 990–1992 гг.* М.